

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 144–150. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 144–150. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470)“1930”:331

EDN YTXISI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-144-150>

ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЭКСПЛУАТАЦИИ (на материалах фольклора о стахановском движении в России 1930-х гг.)

Димони Кирилл Олегович, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, dimoniko@vogu35.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8292-8723>

Аннотация. Исследование посвящено вопросам изучения одной из форм пропагандистского влияния на трудовой энтузиазм работников советской России в 1930-е гг. Трудовое мотивирование, исходящее из установок власти и преломленное в произведениях устного и письменного народного творчества, было очень распространено как раз в этот период. Цель статьи – проследить, каким образом данные механизмы использовались для увеличения эксплуатации труда. Привлечены материалы рабочего и колхозного фольклора, в основном из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. Они представляют собой записанные фольклористами частушки, пословицы, материалы, созданные в литературных кружках при предприятиях. Часть материала собрана фольклористами 1930-х гг. из заводских многотиражных газет. Сравнительно-исторический анализ тематических механизмов трудовой мотивации позволяет говорить о большом значении данного тренда в период форсированной индустриализации и строительства колхозов. Содержательные моменты рабочего фольклора касались ценности труда как нравственной категории, описывали передовиков как пример для подражания, критиковали бюрократизм и «начальство» как элементы, мешающие ударному труду. Колхозный фольклор в целом был схож по содержательным моментам, но уделял большее внимание причинно-следственным связям между трудом и «зажиточностью». Доказано, что преломление государственной политики по организации социалистического соревнования в разных его формах в среде трудящихся сопровождалось пропагандой, облеченной в фольклорные формы. Данное явление стало одним из заметных механизмов интенсификации общественного труда в 1930-е гг.

Ключевые слова: трудовая мотивация, эксплуатация труда, советская Россия, стахановское движение, народное творчество.

Для цитирования: Димони К.О. Трудовая мотивация как механизм эксплуатации (на материалах фольклора о стахановском движении в России 1930-х гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 144–150. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-144-150>

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 24-28-00077, <https://rscf.ru/project/24-28-00077/>

Research Article

LABOUR MOTIVATION AS A MECHANISM OF EXPLOITATION (based on folklore about Stakhanovism movement in Russia in the 1930s)

Kirill O. Dimoni, Vologda State University, Vologda, Russia, dimoniko@vogu35.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8292-8723>

Abstract. The research is devoted to study of one of the forms of propaganda influence on the labour enthusiasm of workers in Soviet Russia in the 1930s. Labour motivation coming from the government's instructions and refracted in the works of oral and written folk art was very widespread in this period. The aim of the article is to trace how these mechanisms were used to increase the exploitation of labour. Materials of workers' and collective farm folklore, mainly from the funds of the Russian State Archive of Literature and Art, are involved. This includes ditties, proverbs, and materials written by folklorists in literary circles at enterprises. Some of the material was collected by folklorists in the 1930s from factory newspapers. Comparative-historical analysis of thematic mechanisms of labour motivation allows speaking about the great importance of this trend in the period of forced industrialisation and construction of collective farms. The content of workers' folklore concerned the value of labour as a moral category, described the foremost workers as role models, and criticised bureaucracy and “bosses” as hindering hard work. Collective farm folklore was generally similar in content but paid more attention to the cause-and-effect relationship between labour and “prosperity”. The article proves that the refraction of the state policy on the organisation of socialist competition in its various forms among workers was accompanied by propaganda, clothed in folklore forms. This phenomenon became one of the notable mechanisms of social labour intensification in the 1930s.

Keywords: labour motivation, exploitation of labour, Soviet Russia, Stakhanov movement, folklore.

For citation: Dimoni K.O. Labour motivation as a mechanism of exploitation (based on folklore about Stakhanovism movement in Russia in the 1930s). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 144–150 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-144-150>

Acknowledgements. The article was prepared with the support of Russian Science Foundation, project No. 24-28-00077, <https://rscf.ru/project/24-28-00077/>

В 1920-е гг. Советский Союз столкнулся с острой необходимостью форсированной индустриализации. Эта задача для аграрной, слабо развитой в промышленном отношении страны, не имевшей необходимых объемов капитала и достаточной возможности длительного периода его накопления, потребовала оригинальных решений [Безнин, Димони Т.М. 2020: 22–42]. Одно из таких решений состояло в упоре на использование такого важнейшего фактора производства, как живой труд. В самой этой задумке по тем временам, может быть, не было революционности: во всем мире с начала XX в. стоял вопрос о возможностях увеличения эксплуатации работника. В США, например, эти идеи развивались Ф.У. Тейлором [Тейлор], Г. Фордом [Форд] и их последователями, с интересом наблюдавшими за развитием их взглядов из России. В советской России также велась большая работа в этом направлении, сформировалась и своя серьезная научная школа, изучавшая системы организации труда. Ее основы были заложены в начале 1920-х гг., когда был создан Центральный институт труда (ЦИТ) под руководством А.К. Гастева. ЦИТ в своих исследованиях делал упор на необходимость развития культуры труда, совершенствования инструктажей, формирование трудовых установок и прочие технологические моменты [Гастев]. По целому ряду политико-идеологических причин работа института труда к середине 1930-х гг. была свернута, однако практический поиск в сфере систем организации труда продолжался как на низовом уровне, так и в государственно-партийных структурах.

Период 1930-х гг. для советской России был особенно богат творческим использованием государством способов привлечения населения к общественному труду и его интенсификации. Широко применялись как экономические методы трудового мотивирования (различные системы заработной платы, денежное и натуральное премирования [Соколов: 39-80], предоставлялся ряд экономических преференций (например, право торговли на колхозном рынке), вводились штрафы и особые условия налогообложения); так и внеэкономические – различные меры морального поощрения (награждения орденами и грамотами, поощрение путевками, возможность переселения в более благоустроенное жилье и пр.), правовые ограничения (паспортная система 1932 г., институт прописки и пр.), применялись методы повинностной эксплуатации (отработочная, натурально-продуктовая, денежная) [Безнин, Ди-

мони Т.М. 2019], различные меры уголовной ответственности.

Несмотря на широкий спектр способов привлечения к труду, вопрос о возможностях повышения трудовой мотивации работников в 1930-е гг. стоял довольно остро. Богатые возможности трудовой мотивации в советской России крылись в использовании традиционной крестьянской трудовой этики, считавшей труд базовой ценностью, на которой часто основывалась нравственная оценка человека. Очень четко этот тезис отразил И.В. Сталин в выступлении на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г., отметив, правда, его как новую тенденцию – «коренной переворот во взглядах людей на труд», превращение труда «в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма» [Сталин: 315]. Строительство индустриального капитализированного общества в стране довольно длительное время использовало богатые ресурсы старого типа устройства, преимущественно связанного с деревенской жизнью [Безнин, Димони Т.М.: 2012]. В то же время формировались и новые этические трудовые системы, обусловленные глубокой социальной трансформацией российского общества [Безнин, Димони Т.М. 2023: 34–59].

Задачи увеличения интенсивности труда и привлечения в производство новых рабочих рук породили идею возможности мотивации трудящихся через организацию трудового соревнования между работниками и целыми коллективами предприятий. Впервые в истории советской России с идеей развертывания трудового соревнования выступил В.И. Ленин в 1918 г. В статье «Как организовать соревнование» он писал о необходимости «организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом», сочетая его с «учетом и контролем», направленным на подавление эксплуататорских классов, развивая творческий подход к организации труда и разработку новых методик «снизу», выкорчевывая шаблоны и бюрократизм [Ленин: 195–205]. В 1929 г. соцсоревнованию был придан обязательный и всеобщий характер. Партийно-государственные органы рассматривали его как долгосрочный тренд, способ некапиталистической конкуренции, товарищеское состязание рабочих коллективов друг с другом за достижение наибольших трудовых результатов. Социалистическое соревнование предполагало повышение производительности труда, сокращение себестоимости выпускаемой продукции, борьбу за трудовую дисциплину, помощь «отстающим» со стороны «пе-

редовых», рационализацию труда, овладение техникой и передовыми аграрными технологиями, разделение труда по способностям каждого работника¹.

После партийного решения о всеобщем охвате трудящихся соцсоревнованием развернулась широкая пропагандистская кампания. В целом история становления соцсоревнования историками довольно подробно изучена [Хлевнюк: 71–80; Чемоданов: 190–194; Володин, Володина: 45–61; Савин: 65–77]. Этапы его развертывания прошли через такие формы, как «ударничество» (с 1929 г.), изотовское движение (с 1932 г.). Уже в 1930 г. в социалистическом соревновании участвовало большое количество рабочих, например в ценовой промышленности – 73 % трудящихся². Появление стахановского движения (1935 г.) было новым эволюционным витком и «перезапуском» социалистического соревнования, вобравшего в себя лучшие черты ударничества и изотовского движения.

Некоторые итоги осмысления места соцсоревнования были подведены на совещании стахановцев (участвовало около 3 тыс. ударников производства различных отраслей промышленности), состоявшемся в ноябре 1935 г. Изданная в том же году стенограмма совещания³ позволяет заключить, что стахановское движение оценивалось как новый этап в организации труда. Работа «по-новому» предполагала переход количества в качество: в рабочем процессе участвовало меньшее количество рабочих, работа выполнялась быстрее, ломались «старые» представления о технических нормах, широко задействовалась техника, на низовом уровне оптимизировались процессы взаимодействия с машинами, повышалось количество выработанного продукта. Эти аргументы лейтмотивом проходили в выступлениях наиболее известных представителей стахановского движения: А.Г. Стаханова, П.Ф. Кривоноса, А.Х. Бусыгина, Е.В. Виноградовой и др. Красной нитью в выступлениях стахановцев присутствовала тема сопряженности больших трудовых результатов и высокого заработка. Кузнец Горьковского автозавода имени Молотова Бусыгин бесхитростно рассказывал: «Зарабатываю я теперь много. И, правду сказать, сам не знаю, как свой заработок распределяю. Не привычен я к этому. Раньше все деньги главным образом на питание уходили, а сейчас, думаю, и питание надо будет улучшить, и одежду новую справить, да и квартиру как-то нужно получше обставить»⁴.

Необходимость вовлечения в производственную жизнь большого числа трудовых ресурсов и увеличения трудовой нагрузки сопровождалась поиском путей убеждения работать с максимальной отдачей в новых экономических условиях. При этом трудовые усилия и трудовой энтузиазм власть позиционировала как полный отход от «капиталистической эксплуатации трудящихся». Арсенал методов убеж-

дения и путей трансляции аргументов наращивания трудовых усилий был довольно широк. Использовалась агитационная и пропагандистская работа (часто в таких самодеятельных формах, как «бригады помощи», «общественные суды», «черные доски», «производственные коммуны», «сквозные бригады»⁵ и пр.), средства массовой информации – периодическая печать, радио, пропагандистская литература, наглядная агитация в виде стенгазет, плакатов, лозунгов. Широко применялось местное творчество – возникшие на заводах, в колхозах частушки, пословицы, поговорки, присказки, мотивировавшие к труду, собирались бригадами фольклористов, разными путями распространялись в производственной среде. Все это позволяло индуцировать трудовой энтузиазм.

В то же время не стоит как преувеличивать, так и преуменьшать влияния пропагандистских усилий власти на повседневную трудовую мотивацию. Все же, материальные стимулы, желание обеспечить физические жизненные потребности были да и по сей день остаются ведущим побудительным основанием для включения в трудовую деятельность. Однако именно 1930-е гг. в советской России стали расцветом проявлений трудового энтузиазма, что демонстрирует литературное и художественное творчество, воспоминания работников разных сфер.

Для анализа механизмов, позволяющих мотивировать работников на увеличение эксплуатации их труда, интересна работа, проделанная группами собирателей фольклора в 1930-е гг. В фондах Российского государственного архива литературы и искусства отложился довольно большой массив такого рода материалов. Так, в первой половине 1930-х гг. И.С. Гудков собрал стихотворения и песни на фабрике «Пролетарка» Калининской области, на заводах им. Фрунзе и «Точизмеритель» в Москве (РГАЛИ. Ф. 1432), фольклористы Ведерникова и Орлов провели сбор частушек в Ивановской области (РГАЛИ. Ф. 1884), группой фольклористов были собраны частушки на заводах и в колхозах Воронежской, Казанской, Смоленской областей (РГАЛИ. Ф. 634). Большую работу по сбору частушек и рассказов о труде проделали студенты ИФЛИ на фабриках и заводах г. Москвы (РГАЛИ. Ф. 1521). И это далеко не полный перечень такого рода материалов, который пока не подвергался системной обработке. Довольно ценным обстоятельством является тот факт, что собиратели фольклора очень внимательно подошли к работе заводских многотиражек и литературных групп при предприятиях, в связи с чем в собранных фольклорных материалах отложились очень яркие образцы. Следует отметить, что многотиражные издания были у многих промышленных предприятий. Сбор материалов фольклористами 1930-х гг. проводился в многотиражных газетах «Балтиец» (Балтийский за-

вод, г. Ленинград, занимался судостроением), «Красный треугольник» (завод «Красный треугольник» г. Ленинграда, выпускавший резиновые изделия) и других. Также при промышленных предприятиях функционировали литературные и иные кружки, трудящиеся учились литературному творчеству и публиковали в многотиражных изданиях свои произведения. В данной статье привлечены данные, собранные по материалам заводских многотиражек 1930-х гг. Э.Г. Бородиной-Морозовой (РГАЛИ. Ф. 1521).

Перейдем к анализу этих материалов. Значительное количество фольклорных материалов рабочих посвящены труду. Так, студентами ИФЛИ в середине 1930-х гг. была собрана коллекция пословиц и поговорок рабочих фабрики «Парижская коммуна» (обувная фабрика, г. Москва): «Работу не любить – стахановцем не быть», «Люби свой труд и другим привей – в цеху работа идет спорей», «Не смотри, как рай грядет, а смотри, как дело ведет», «Личный пример другим подавай, носишь имя стахановца – знай»⁶ и т. д. Отложившиеся в фондах РГАЛИ подобного рода материалы показывают, что были предприняты большие усилия по формированию отношения к труду по-стахановски как мерилу нравственной ценности человека и главной задаче общественной жизни.

Целый пласт фольклорных материалов иллюстрирует новые приемы работы, например конвейерный способ производства: «Хорошо работать стало, / С сердцем вместе все поет, / По конвейеру работа / Как Москва-река течет», «Наш конвейер стал поточным / Плавно движется-идет. / До станка доходят пары, / Их намазчица берет» (частушки обувной фабрики, г. Москва)⁷. Как видим из этого отрывка, новые технологические способы работы воспевались и поэтизировались. На Сталинградском тракторном заводе в 1931 г. технические приемы рекомендовалось облекать в лозунги, которые демонстрировались в цехах: «Инженер, техник и администратор, / Чтобы шестерни годные шли на трактор», «Эй, товарищ, к черту лень, / Шестерню чистой на шпиндель одень», «Не сбрасывайте детали в кучи, / Не калечьте их, не сучьте, / Не обращайтесь с шестерней грубо, / Не портё эвольвенту зуба» и т. д.⁸ Обилие наглядной пропаганды как важного фактора трудовой мотивации фиксировалось в собранных исследователями 1930-х гг. материалах, публиковавшихся в заводских многотиражках. Вот, например, образцы описания наглядной пропаганды в цеху, собранные из заводских многотиражек в 1930-х гг. исследовательницей Бородиной-Морозовой: «По цеху лозунги, плакаты / Повсюду реют – здесь и там. / Одним желаньем все объаты – / Досрочно выполнить свой план»⁹, «Ширится завод. / Плакаты у ворот. / В новые цехи / Набор идет»¹⁰.

Новые мотивационные воздействия на рабочий класс в 1930-е гг. можно проследить по публикациям в заводских многотиражках. Так, в одной из заводских газет Ленинграда в 1936 г. было опубликовано стихотворение, содержащее строки: «Построить в срок стахановский корабль / И тем доверие наркома оправдать. / Какая честь для нас, какая радость / Еще одну победу одержать»¹¹. Как видно из этого небольшого отрывка, рабочий класс позиционировался автором как когорта, наиболее сознательная среди всех трудящихся, более образованная, ответственная за всю страну. В «производственном» творчестве, предназначавшемся для рабочих, тема личной ответственности перед страной, наркомом, лично Сталиным является часто употребляемым мотивом. В рамках политики борьбы за качество в рабочем фольклоре нередко акцентируется ответственность и перед советским потребителем, прослеживается стремление сделать его довольным, поставить ему хороший продукт: «Потребитель наш охотно / В магазин отправится. / Знаем мы, что наш ботинок / Там ему понравится»¹².

Обещание тиражировать трудовые достижения передовика производства было значимым стремлением рабочего, определенной вехой его трудовой биографии. Вот как этот сюжет был отражен в одном из многотиражных изданий Ленинграда в 1936 г.: «Про тебя рассказали газеты, / И летит по всему Союзу / Твое имя, славой одетое, / Твоя радость, что бьется под блузой»¹³. Изучение собранного фольклористами подобного рода творчества фабрично-заводских рабочих советской России 1930-х гг. позволяет сделать заключение о том, что важнейшим фактором трудовой мотивации являлась трудовая репутация, а точнее, трудовая слава.

Положительными качествами ударника считалось стремление к трудовым победам в виде рекордов норм выработки, увеличения количества обслуживаемых станков, повышение качества продукции.

Нередко тематикой произведений, созданных рабочими, становилась «бюрократия». Недостатки в работе управленческого звена довольно часто упоминались в самодельном творчестве рабочих, некоторая их часть публиковалась в многотиражных газетных изданиях. Так, рабочий «Красного треугольника», столяр, активный рабкор заводской газеты С. Чеснягин так выражал своё отношение к фабрично-заводской «бюрократии»: «Ты не прячься, бюрократ, / Не поглядывай в кусты, / Всё равно тебя потащим / На газетные листы. / Сколько ты не укрывайся, / А придет тебе жара – / Извороты бюрократа / Видят снайперы пера»¹⁴. Противопоставление рабочего и «бюрократа» (обобщенный образ всех, кто «командует» на производстве) было важным моментом трудовой мотивации. Еще Ленин заложил идею

дебюрократизация труда, борьбы с установленными сверху шаблонами и бумажным регулированием как одного из осевых моментов социалистического соревнования. Возможность свободно критиковать «начальство» была очень значимым фактором «рабочего» самовосприятия. Таких материалов, причем персонифицированных, особенно много в неопубликованном записанном фольклоре. Так, рабочие московских фабрик в 1930-е гг. обращались к некоему Иванову, сотруднику завода им. П.А. Бабаева: «Зав. Иванов / Молодец из молодцов / Гнать его давно пора / Из бабаевского двора»¹⁵. Механик фабрики им. «Парижской коммуны» Тюлькин послал в заводскую многотиражку (она называлась «Коммунарка») перефразированные из известных пословицы о «начальниках»: «На Цейтлина надейся, а сам не плошай» (Цейтлин был начальником отдела снабжения), «Обещанное Беркманом тридцать три года ждут» (Беркман являлся главным инженером фабрики)¹⁶. Все эти черты самосознания были неразрывно связаны с формированием у рабочих новообретенного чувства «хозяина» производства [Димони К.О.: 145–151]. В литературном творчестве рабочих завод, колхоз, страна часто характеризуются словами «мой». Определенный апогей этой убежденности демонстрирует, например, название стихотворения, опубликованного рабочим: «Родина моя, фабрика моя!»¹⁷.

Представления о колхозной собственности как о своей были присущи и колхозному крестьянству, что было серьезным мотивом увеличения трудовых усилий. Уже в начале 1930-х гг. в частушках, сочиненных в деревне, довольно часто пелось о «нашем колхозе», «нашей бригаде» и т. д. Типичными в этом плане представляются частушки, записанные в 1930-е гг. в Карело-Финской ССР: «Не одна я на работе, / Не одна на полосе / В нашем сталинском колхозе / Дружно трудимся мы все», «Эх, колхозное раздолье – / Наш родной советский край / Все готовы мы бороться / За высокий урожай» [Чистов: 41] и т. д. В отличие от рабочей среды, деревенская среда в качестве трудовой мотивации гораздо чаще использовала образы коллективного труда. А вот о единоличном хозяйстве колхозные частушки говорили по-другому: «Мы колхозники, / Строим домики, / А единоличники / Готовят гробики»¹⁸, «Раньше я была худая, / А теперь поправилась. / Коллективное житье / Очень мне понравилось»¹⁹. В противовес коллективному труду единоличные хозяйства описывались в частушках как терпящие нужду и невзгоды.

Немалая часть колхозных частушек была напрямую посвящена описаниям соцсоревнования: «Я стахановкою стала, / Урожай надо поднять. / У меня мечта такая – / Надо Демченко догнать»²⁰, «Я стахановка в колхозе, / Кровь во мне волнуется, / Моя первая бригада / С третьей соревнуется»²¹. В целом мо-

тивация трудового подвига и определенной трудовой славы довольно часто встречается в колхозном фольклоре. В частушках упоминаются имена известных стахановцев, описываются детали соцсоревнования.

Наиболее ярко отличия трудовой мотивации рабочих и колхозной (бывшей крестьянской) сред проявлялись в частотности упоминания трудовых усилий и связанных с ними материальных благ.

Распространенной тематикой деревенских частушек в связи с описанием трудовых побед была тема «зажиточности»: «Будем, девушки, рядиться, – / Это не убыточно. / Мы ударницы в колхозе / И живем зажиточно»²², «Я пою, а ноги пляшут, / Будто мне семнадцать лет, / Дали премию на сплаве – / Дорогой велосипед»²³. В колхозном фольклоре темы труда и материального благополучия увязаны намного плотнее, чем в источниках, исходящих из рабочих пластов. В рабочем фольклоре темы «сытости» иногда тоже встречаются, но не являются лейтмотивом, в отличие от обилия упоминаний пожеланий «жить зажиточно» в среде колхозного крестьянства 1930-х гг. Именно в материальном плане «ударнику» и «стахановцу» в колхозном фольклоре чаще всего противопоставляется «лодырь», не стремящийся к зажиточной жизни: «Добывать врага нам нужно / Да и, лодырь, ты держись, / Боремся теперь мы дружно / За зажиточную жизнь»²⁴, «Дорогая ты подружка, / В кого ты влюбилась – / Первый лодырь на колхозе, / Хата развалилася»²⁵. По всей видимости, аргументы сытой, «зажиточной» жизни колхозному крестьянству, сохранявшему память о голодных годах начала 1920-х гг. и начала 1930-х гг., были гораздо ближе. Сказывались и пропагандистские усилия власти, сделавшие в середине 1930-х гг. лозунг о «зажиточности» чуть ли не основным маяком для колхозной деревни.

Можно предположить, что основным побудительным мотивом трудовых усилий, фиксируемым фольклорными источниками, для представителей колхозного (бывшего крестьянского) уклада 1930-х гг. были «зажиточность» и материальное благополучие, и только затем в качестве мотиватора шла трудовая известность. В отрыве от материальных благ идеи трудового энтузиазма и социалистического соревнования были слабо понятны малограмотному сельскому работнику. Соответственно, основная мотивация к труду в 1930-е годы для сельского населения была проста и понятна: «Кто в колхозе, тот позабыл про нужду и слезы»²⁶, – так в одной из пословиц, поддержанных пропагандой тех лет, создавалась мотивировка к сверхинтенсивному труду.

Таким образом, трудовое мотивирование в различных формах служило целям трудовой эксплуатации фабрично-заводских рабочих и сельских тружеников в интересах советского государства. В 1930-е гг., кро-

ме довольно привычных механизмов трудовой мотивации (экономических и внеэкономических), на всех уровнях общества был полномасштабно использован пропагандистский инструментарий. Посыл о необходимости трудиться сверхинтенсивно, сформированный в политических верхах страны, был поддержан в тематике рабочего и колхозного фольклора. Воспевались новые технологии работы, героизировались передовики производства, стыдились лодыри и «бюрократы». Немаловажную роль в создании фольклорных произведений такого рода играли литературные кружки и секции при предприятиях, что массово фиксировалось фольклористами 1930-х гг. как в рабочей, так и в колхозной среде. Рабочий фольклор отличался от колхозной большей нагрузкой на идеи трудового энтузиазма. Колхозное сообщество несколько снижало высокую планку идей «чистого» трудового энтузиазма, вводя в качестве желательных мотивы «зажиточной», «сытой» жизни, как неразрывно связанные с ударным трудом.

Примечания

Законодательные материалы

¹ Постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» (9 мая 1929 г.) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. документов за 50 лет. Москва, 1967. Т. 2. С. 53–55.

Стенографические материалы

² Первое всесоюзное совещание рабочих и работников – стахановцев. 14–17 ноября 1935: стенографический отчет. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 376 с.

³ Первое всесоюзное совещание рабочих и работников – стахановцев. 14–17 ноября 1935: стенографический отчет. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 26.

Архивные материалы

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5515. Оп. 16. Д. 46. Л. 57.

⁵ ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 16. Д. 46. Л. 374.

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1521. Оп. 3. Д. 106. Л. 83.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 106. Л. 87–88.

⁸ ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 16. Д. 46. Л. 387.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 98. Л. 35.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 98. Л. 86.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 98. Л. 57.

¹² РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 106. Л. 103.

¹³ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 98. Л. 47.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 98. Л. 78–79.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 106. Л. 130.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 106. Л. 104.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 98. Л. 86.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 106. Л. 150.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1432. Оп. 3. Д. 5. Л. 79.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 106. Л. 42.

²¹ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 106. Л. 165.

²² РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 109. Л. 6.

²³ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 106. Л. 166.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 109. Л. 8.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Д. 88. Л. 72.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Список литературы

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. Москва: Ленанд, 2019. 608 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Первоначальное накопление капитала в советской России: приглашение к научной дискуссии // Вопросы истории. 2020. № 7. С. 22–42.

Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е гг. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.

Безнин М.А., Димони Т.М. Пролетариат в сельском хозяйстве России 1930 – 1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: ВГПУ, 2012. 92 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Этика властно-собственнических отношений производственных верхов российского общества (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) // Вопросы истории. 2023. № 11-2. С. 34–59.

Володин С.Ф., Володина Т.А. Советская историография о стахановском движении // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2021. № 2 (6). С. 45–61.

Гастев А.К. Как надо работать. Москва: Экономика, 1972. 477 с.

Димони К.О. Чувство хозяина в российской экономической системе конца 1920-х – начала 1950-х годов (по материалам воспоминаний участников производственных процессов) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2023. № 5. С. 145–151.

Ленин В.И. Как организовать соревнование // Полное собрание сочинений. Москва: Политиздат, 1974. Т. 35. С. 195–205.

Савин А.И. От звания «Герой труда» к званию «Герой социалистического труда»: к вопросу о моральном поощрении трудовой деятельности в советской России в начале 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 65–77.

Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) // Экономическая история: обозрение. 2000. № 4. С. 39–80.

Сталин И.В. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Сталин И.В. Сочинения. Москва, 1949. Т. 12. 349 с.

Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. Москва: Контроллинг, 1991. 104 с.

Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. Ленинград: Время, 1924. 326 с.

Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории: историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 71–80.

Чемоданов П.А. Советский стахановец второй половины 1930-х гг. как культурно-психологический тип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (65). Ч. 1. С. 190–194.

Чистов К.В. Мы по-новому живем, песни новые поем: сборник частушек, записанных в Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1952. 71 с.

References

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Agrarnyi stroi Rossii 1930-1980-kh godov* [Agrarian system of Russia in the 1930s-1980s]. Moscow, Lenand Publ., 2019, 608 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Pervonachal'noe nakopleniye kapitala v sovetskoi Rossii: priglasenie k nauchnoi diskussii* [Initial capital accumulation in Soviet Russia: an invitation to scholarly discussion]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2020, no. 7, pp. 22-42. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Povinnosti rossiiskikh kolkhoznikov v 1930-1960-e gg.* [Duties of Russian collective farmers in the 1930s - 1960s]. *Otechestvennaia istoriia* [Domestic History], 2002, no. 2, pp. 96-111. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Proletariat v sel'skom khoziaistve Rossii 1930 – 1980-kh gg. (novyi podkhod k sotsial'noi istorii rossiiskoi derevni)* [The Proletariat in Russian Agriculture 1930-1980s (a New Approach to the Social History of the Russian Village)]. Vologda, VGPU Publ., 2012, 92 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Etika vlastno-sobstvennicheskikh otnoshenii proizvodstvennykh verkhov rossiiskogo obshchestva (konets 1920-kh - nachalo 1950-kh gg.)* [Ethics of power-ownership relations of the productive upper classes of Russian society (late 1920s - early 1950s)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2023, no. 11-2, pp. 34-59. (In Russ.)

Chemodanov P.A. *Sovetskii stakhanovets vtoroi poloviny 1930-kh gg. kak kul'turno-psikhologicheskii tip* [Soviet Stakhanovets of the second half of the 1930s as a cultural and psychological type]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice], 2016, no. 3 (65), pp. 190-194. (In Russ.)

Chistov K.V. *My po-novomu zhivem, pesni novye poem: sbornik chastushek, zapisannykh v Karelo-Finskoi SSR* [We live in a new way, we sing new songs: a collection of ditties recorded in the Karelian-Finnish SSR]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR Publ., 1952, 71 p. (In Russ.)

Dimoni K.O. *Chuvstvo khoziaina v rossiiskoi ekonomicheskoi sisteme kontsa 1920-kh - nachala 1950-kh godov (po materialam vospominanii uchastnikov proizvodstvennykh protsessov)* [Sense of the master in the Russian economic system of the late 1920s - early 1950s (based on the memoirs of participants of production processes)]. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Izvestia Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2023, no. 5, pp. 145-151. (In Russ.)

Ford G. *Moia zhizn', moi dostizheniia* [My life, my accomplishments]. Leningrad, Vremia Publ., 1924, 326 p. (In Russ.)

Gastev A.K. *Kak nado rabotat'* [How we need to work]. Moscow, Ekonomika Publ., 1972, 477 p. (In Russ.)

Khlevniuk O.V. *Stalinskii period sovetskoi istorii: istoriograficheskie tendentsii i nereshennye problem* [The Stalinist Period of Soviet History: Historiographical Trends and Unresolved Problems]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Scientific Journal], 2017, no. 3 (56), pp. 71-80. (In Russ.)

Lenin V.I. *Kak organizovat' sorevnovanie* [How to organize a competition]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 35, pp. 195-205. (In Russ.)

Savin A.I. *Ot zvaniia «Geroi truda» k zvaniiu «Geroi sotsialisticheskogo truda»: k voprosu o moral'nom pooshchrenii trudovoi deiatel'nosti v sovetskoi Rossii v nachale 1920-kh – pervoi polovine 1930-kh gg.* [From the title “Hero of Labor” to the title “Hero of Socialist Labor”: to the question of moral encouragement of labor activity in Soviet Russia in the early 1920s - the first half of the 1930s.]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2023, no. 1 (27), pp. 65-77. (In Russ.)

Sokolov A.K. *Sovetskaia politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniia truda (1917 – seredina 1930-kh gg.)* [Soviet policy in the field of labor motivation and stimulation (1917 - mid-1930s)]. *Ekonomicheskaiia istoriia: obozrenie* [Economic history: a review], 2000, no. 4, pp. 39-80. (In Russ.)

Teilor F.U. *Printsipy nauchnogo menedzhmenta* [Principles of scientific management]. Moscow, Kontrolling Publ., 1991, 104 p. (In Russ.)

Volodin S.F., Volodina T.A. *Sovetskaia istoriografiia o stakhanovskom dvizhenii* [Soviet historiography about the Stakhanov movement]. *Tul'skii nauchnyi vestnik* [Tula Scientific Journal], 2021, no. 2 (6), pp. 45-61. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.11.2024; одобрена после рецензирования 24.01.2025; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 23.11.2024; approved after reviewing 24.01.2025; accepted for publication 30.01.2024.